

Алекс Динго

**Ретивые легенды
Великой
Отечественной
войны**

Часть третья

Алекс Динго

**Ретивые легенды
Великой Отечественной
войны. Часть третья**

«Издательские решения»

Динго А.

Ретивые легенды Великой Отечественной войны. Часть третья /
А. Динго — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969536-9

«Ретивые легенды Великой Отечественной войны. Часть 1. Часть 2. Часть 3». Три сборника рассказов, основанных на реальных событиях. Это истории настоящих героев — бойцов Красной Армии и их верных четвероногих спутников, которые боролись и победили. А также героические истории храбрых солдат — союзников и их бравых братьев меньших.

ISBN 978-5-44-969536-9

© Динго А.
© Издательские решения

Содержание

P.S.	10
P. S.	13
P.S.	16
P.S.	20
P.S.	23
P.S.	28
P.S.	32
P.S.	35
P.S.	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ретивые легенды Великой Отечественной войны Часть третья

Алекс Динго

© Алекс Динго, 2019

ISBN 978-5-4496-9536-9 (т. 3)

ISBN 978-5-4496-9531-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Отважный Красный комиссар.

Алекс Динго

Ретивые легенды ВОВ. Собак приказано веселить!

Над агрогородком Шиловичи в Волковысском районе Гродненской области Белоруссии светило яркое солнце. По светлому небу неторопливо плыли белые облака. В августе 1944-го года в Шиловичском лесу поддувал легкий ветерок. Вдали высвечивала томная синева. Слегка веяло утренней прохладой. Вокруг красовались могучие ели, дубы, сосны, берёзы, осины, липы. Они создавали приятную тень. Солнечный свет еле пробивался сквозь высокие деревья. Игрался чуток. Листва зелёная и уже слегка золотистая и багряная слегка шелестела. По отлогому пригорку скакал серый заяц. Он любопытно заглядывался по сторонам. Живо скрылся в густых, непролазных кустах. Где – то глубоко в лесу в низине пробирался двухметровый лось. Он, заминая мохнатые кочки, слегка проваливался. Высоко в небе плавно неторопливо кружила большая, крылатая, дикая птица – ястреб. Его зоркое око падало на зелёные еловые дали и светлые пригорки.

Загудел мотор. По лесной дороге небыстро ехал легковой чёрный автомобиль. Генерал Анатолий Руденко, сидя на заднем сидении, слегка ухмыльнулся. Лицо багряное, брутальное. Черты грубые. Глаза карие, широкие. Губы вытянутые, пухлые. На подбородке небольшой шрам. Китель светлый, гладкий. На нём ордена. Он, глянув в ветровое стекло, достал из пачки папиросу. Дорога петляла. Замелькали большие, зелёные палатки. Неподалеку маршировали бойцы. Откуда – то доносились громкие крики. Автомашина остановилась на территории советского, солдатского лагеря. Водитель Максим Матвеев – стройный, молодой солдат живо вышел из кабины Зиса. Он, слегка поправив пилотку на голове, открыл заднюю дверку автомобиля.

– Товарищ генерал, – сказал водитель Матвеев.

– Приехали. Да, – сказал,

Генерал Анатолий Руденко, чуть наклонившись, вышел из салона четырёх дверного Зиса. Широкий торс расправился. Показался волевой взгляд. Он надел на голову фуражку. На неё блеснула красная звёздочка.

Следом с другой стороны автомобиля вышел из кабины штабист Антон Макаровский. Приятное лицо отдавало багряным оттенком. Губы широкие имели природную ухмылку. Чёрные глаза бегали. Гимнастёрка сидела гладко, подчёркивая мускулистые изгибы его превосходного тела. Он, ловким движением, поправив на голове фуражку. На ремне красовалась кобура. В неё плотно сидел пистолет ТТ.

– Ну, пойдём, посмотрим Макаровский, как тут дела обстоят, – решительно сказал генерал Руденко.

– Пойдёмте товарищ генерал, – ответил штабист Макаровский.

Солнечный свет слегка слепил. Веяло лесной свежестью. Приятно пахло зелены. Сухая дорога петляла, уходя куда – то глубоко в лес. Товарищ генерал Анатолий Руденко и штабист Антон Макаровский неторопливо пошли по твёрдому грунту. Чуть скрипели сапоги.

На полевой площадке в майках забегали молодые солдаты. Виднелись улыбки. Упитанная старшина Галкин, заметив важную персону, приостановил занятие. Яркие глаза округлились. Бойцы, приняв стойку смирно, подняли руки к пилоткам. Генерал Руденко, направив приветливый взор на молодых курсантов, слегка улыбнулся. Солнечный зайчик пробежался по грубому лицу. На кители блеснули медали.

– Вольно. Продолжайте заниматься, – сказал он.

Товарищ генерал Анатолий Руденко вновь неторопливо пошёл по дороге. Он слегка нахмурился. Грудь наполнилась свежим душистым воздухом. Ему вспомнилась молодость. Он стройный в меру красивый лейтенант танцевал на площадке с милой девушкой Марго. Они гуляли по пустынной мостовой. Долго целовались в губы. Девушка умело крутила языком во рту возлюбленного. Словно уж вертелся на сковородке. Потом нарисовались трое пьяных солдат. Попросили закурить. И тут же полезли в драку. Решили девушку отбить. Лёнька выстрелил первым. Его кросс был сильным. Лейтенант, яро пошатнулся, взмахнув руками. Марго зажалась. Анатолия прихватили за руки, и тут же дали понять, что к чему. Миша крепко проверял пресс. И Вася подоспел. Толя пустил изо рта кровавые слюни. Казалось, всё, спёкся. Но боксёрское прошлое не забылось. Он вспомнил, как лёжа на ринге, истекал кровью. Глаза слепило. Лёгкие сводило. Дышалось невероятно тяжело. Анатолий, подскочив, ногой ударил Васю по лицу. Тот кувырнулся на бетонной площадке, точно шарик. Затем с локтя врезал в нос обидчику Мише. У того кровь пошла, как из ведра. Лёнька пал от мощнейшего свинга с правой тяжёлой руки. Потом у него обнаружили лёгкое сотрясение головного мозга. А Марго убежала. И больше Анатолий её не видел.

– Товарищ генерал. Может быть, пройдем к начальству. В палатку, – сказал штабист Антон Макаровский.

– Нет. Не сейчас. Я хочу всё посмотреть. Да и мы же не куда не торопимся, – отчётливо ответил генерал Руденко.

– Хорошо, – тихо сказал штабист Антон.

Товарищ генерал, неспешно идя по грунтовой дороге, остановился. Руки скрестил за широкой спиной. Он слегка улыбнулся, направив любопытный взор на служебных собак. Макаровский, пожав мощными плечами, недоумевал.

Пёс – разведчик Бобик лежал на зелёной полянке, словно неживой. Он помесь лайки и дворняги. В глазах витала дрёма. Вытянутая, смешная, брутальная морда прижалась к земле. Светлая шерсть отдавала блеском. Находясь во сне, он летел на розовом облаке и поедал колбасу. Кобель чуть пошевелил широкой лапой. Бобик родом из небольшой деревни. Зажиточный хозяин Абдула часто угощал его вкусностями. С бойцами малыш набегал немало километров. И «языка» брал, и дорожку верную без мин часто показывал. Был случай, когда он

сташил форму офицера Гюнтера. Причём по своей инициативе. За подвиг получил большой кусок хлеба. Немец пришёл в ярость. Изошёл на слюну. Заметно охрип. Пробудилась лютая психованность. Стрелял из пистолета весь день. Грозился всех перебить.

Пёс – сторож Алтай, лёжа на пухлом брюхе, выглядел весьма вяло. Из большой пасти торчал язык. Треугольные висячие уши покосились. Белая шерсть с тёмными пятнами отдавала небольшим блеском. Кобель, мельком взглянув на товарища генерала, склонил массивную голову к земле. Он облизнулся. Малыш уже давненько не пользовался спросом. Заметно обленился. В родной деревне он не пропускал ни одной техники из виду. Будь то трактор или велосипед. Кого только не облаял. А сейчас не побежал бы.

Разведчик лайка – Султан, лёжа на земле, лениво загрыз кость. Гладкая шерсть блестела. Мощная голова чуть напряглась. В светлых глазах жила скука. Кобель, облизнувшись, недоумённо посмотрел на лицо товарища генерала. Нюх чуток обострился. *«Кто такой? Раньше здесь не видел... Крутой какой – то мужичок...»*. Малышу шёл пятый год. Он уже не раз проявил себя. Как – то сияло на небе тускло солнце. На опушке виднелась деревушка. Султан незаметно прокрался в стан врага. Немецкий офицер Шмит готовился к завтраку. Упитанный, пучеглазый штабист делал зарядку возле окна. Ему на столике во дворе подали жареные сосиски. Но его опередил Султан. Он яро смахнул лапами со стола угощение. И всё живо съел. Собаку заметили. Началась ярая стрельба. Сам Шмит, взбесившись, схватил пулемёт МГ – 42. Пули засвистели. Пёс, зажавшись, побежал по пригорку. Скрылся в траве, ещё держа в пасти сосиску. За ним на бронемашине пустились в погоню. Тогда разведчики забросали её гранатами.

Тузя – разведчик, уныло пробежавшись, повалился на землю. Завалился на бок. Морда лисья выглядела опечаленной. Глаза томились от скуки. Шерсть жёсткая, тёмная вся замялась. Пёс, облизнувшись, склонил голову к земле. Числился в ветеранах. Под его чутким руководством бойцы взяли множество *«языков»*.

Пёс – связист Филиппок неспешно, вяло поворачивал массивной, медвежьей головой. На одном висячем ухе виднелось отверстие. В него стрелял снайпер. Над ним надоедливо, жужжало насекомое. Филиппок злился. Он яро защёлкал пастью, в надежде поймать шмеля. Больших размеров малыш любил покуражиться, обожал езду на трамваях. А ещё был не прочь побарахтаться в водичке. Хозяин Петро часто брал его за город.

Разведчик Дикий – пёс разный мастей растянувшись на земле, дремал. Находился в глубоком сне. Кобель, казался, безжизненным. Шерсть взъерошилась. Из большой пасти тянулась слюнка. В деле малыш был безупречен. Как – то вечером бойцы проводили операцию по взятию *«языка»*. Немец Тони – стройный штабист, ударив головой конвоира Хорькова, живо побежал. Лютые глаза беглеца округлились. В них поселилась змеиная ярость. Дикий пустился в погоню. Взяли немца через тридцать метров. Он кувырчался на лосиной тропе. У него обнаружилось семь укусов. И правое ухо висело на коже. Кровь лилась ручьём. Дикий, сидя рядом, облизывался.

Солнечный свет ярко замаячил. Товарищ генерал Анатолий Руденко, глядя на собак, слегка нахмурился. Глаза прищурились. Кулаки крепко сжались. Он задумался.

– Вот ведь кошмар какой, – произнёс генерал армии Руденко.

– Что товарищ генерал, – недоумевал Антон.

– Я говорю кошмар какой. Собаки, какие вялые. Что с ними тут случилось. С ними плохо гуляют, что ли. Никто не веселит, – задумчиво сказал генерал Анатолий Руденко.

– Я не знаю. Видимо у них отдых.

– Какой отдых. Утро. Так мы это не оставим. Товарищи курсанты. Кто командир подразделения собачьего питомника.

– Командира сюда.

В солнечном свете замелькала фигура. Она становилась всё объёмнее. лейтенант Григорий Антипенко встал по стойке смирно. Багряное лицо чуть напряглось. Светло – синие глаза сияли.

– Я здесь товарищ генерал. лейтенант Григорий Антипенко. Командир подразделения. Вызывали, – боевито сказал он.

– Вызывал. Что у Вас тут такое с собаками? Они словно неживые все, – сказал генерал Анатолий Руденко.

– Да всё хорошо. Товарищ генерал. Собаки отдыхают, – тихо ответил лейтенант Антипенко.

– Нет. У них у всех печальный вид. Это недопустимо. За то, что на утреннем выгуле собаки выгуливаются вяло, имеют печальный вид, а курсанты не пытаются развеселить их, объявляю Вам командиру подразделения наряд вне очереди, – решительно сказал генерал Анатолий Руденко.

– Есть товарищ генерал. Виноват. Исправимся сейчас же, – понизив тон, ответил лейтенант Антипенко.

– Вот то – то же. Пойдём в штаб Макарский, – яро сказал генерал Анатолий Руденко.

P.S.

Отношение к военному собаководству за время войны резко менялось. Эффективность применения собак стала очевидна не только рядовому, который видел работу четвероногих в деле, но и генералам, читающим отчеты. Из директивы: «ГУКР считает нужным еще раз напомнить, что при проведении войсковой операции в Шиловическом лесу собаки, обладающие верхним-дальним чутьем и опытом отыскания тайников и схронов, должны быть использованы на самых перспективных участках. Приказываю собак веселить!».

В архиве сохранилось еще одно впечатляющее распоряжение: «За то, что на утреннем выгуле собаки выгуливаются вяло, имеют печальный вид, а курсанты не пытаются развеселить их, объявляю командиру подразделения наряд вне очереди».

Литература: книга В. Богомолова «Момент истины».

Ретивые легенды ВОв. Пёс Васька в мотоциклетной коляске.

18 января 1945 года в районе города Варшавы слегка поддувал прохладный ветер. Веяло холодом. На однотонном, белом небе тускло мелькал солнечный свет. Он погряз в серой небесной кутерьме. В долине слега белели пригорки, серели деревья, извивалась река Висла. Чуть запорошил снег.

По слега заснеженной, грунтовой дороге двигались советские солдаты. Они, держась колоннами, синхронно шагали. Топот сапог рождал гул. Гремели котелки. Рядовой Трофимов – загорелый, небольшого роста человек вставил в рот трофейную сигару. Глаза скрывались в глубоких щёлках. Глубокие морщины испепелили всё овальное суховатое лицо. Над его головой плавно потянулся дымок. Шапка – ушанка съехала слега на бок. На ней блеснула звёздочка.

Гулко загудел мотор. Замелькал объёмный силуэт. На пригорке затарахтел трофейный тёмно-зелёный мотоцикл с коляской. Блеснули фары. Водитель Владимир Машков, крепко держась за руль, чуть сбавил газ. Его упитанное лицо преобразилось белой улыбкой. В светлых глазах ожило веселье. Коренастый человек чуть дёрнул рулём.

В коляске мотоцикла смирно сидел пёс Васька. На массивной голове чуть болталась надетая, мотоциклетная каска. Его, казалось, безумные глаза округлились. Мокрый нос смешно топорщился. Он чуть приоткрыл пасть. Родился в глухой деревушке на окраине леса. Оказался счастливчиком. Из помёта выжил только он. Попал в добрые руки хозяина Федула. Тот однажды пьяным погнался за псом с граблями в руках. Видите ли, замазал руки в собачьем кале. Кобель живо побежал, скрывшись в кустах. Домой не вернулся. Как – то месяц спустя его видели в лесу. Думали, что помешался. А он решил охотиться на зайца. Да заметно прибавил в весе. Морда одичала. Покрылась двойной шерстью. Клыки даже выперли из пасти.

Пёс Васька, чуть дёрнувшись, положил переднюю лапу на коляску мотоцикла. Немного потянулся. Уши выпрямились. Кобель живо обнюхал колясочный пулемёт. Приподнял нос кверху. В глазах читалось: «*Свои братва. Не боись. Не задавим...*».

Мотор взревел. Из трубы повалил тёмный дымок. Водитель мотоцикла Машков просигналил. Гулкий звук бил по ушам. Пёс Васька, взирая на идущий бойцов, поднял нос кверху. Владимир чуть повернул рулём. Блеснули фары. «Железный конь» покатился по обочине дороги.

– Ппппшиииииипппшиииипп...

– Ууууааааууу, – слега взвыл кобель.

– Мужики поберегись, – громко произнёс он.

Мотоцикл с коляской, сбавив обороты, смешно затарахтел. Владимир ухмыльнулся. Пёс не отставал.

- Хахахаххахахаааааа, – громко засмеялись солдаты Красной армии.
- Научили. Видать. Хахаххахахааааааа.

Пёс Васька.

P. S.

Пёс Васька всегда поднимал боевой дух бойцов. Он служил в армии разведчиком. Имеет награды.

Ретивые легенды ВОВ. Заваренное чутьё.

В июле 1944 года на 1-м Украинском фронте в теплом воздухе поддувал еле заметный ветерок. На синем небе сияло жаркое солнце. Где – то над самым горизонтом пухли красочные, чудные облака. Зелёная, цветущая долина раскрывала свои необъятные объятия.

В кустах замелькала фигура. Треснул глухо сук под исхоженным, кирзовым сапогом. Разведчик Егор Бероев неспешно шёл по земле небольшого, густого пролеска. Пилотка чуть скатилась на бок с белых волос. Его лицо пламенело красным цветом. Глаза узкие скрывались в щёлках. По виску струился пот. Гимнастёрка липла к спине. В кобуре сидел острый кортик. Вдали зачирикала бойкая птица. Он, внимательно осматриваясь, держал за ременчатый поводок собаку.

Пёс – разведчик Филя породы лайка приостановился. Шерсть пушистая, светлая отдавала блеском. Большая вытянутая морда чуток напряглась. Треугольные уши покосились. Тёмные глаза блестели. Нюх обострился. Клыкастый боец, немного вытянувшись, чутко принялся. Он бродяжничал в большом городе, когда его прихватили служивые. Дрессуре легко отдавался. На занятиях всегда выкладывался на все сто процентов. Имел большую слабость к пирожкам с капустой и яйцом. Мог легко осушить за раз большую кружку пенного пива. Научился у своих горе – хозяев. Пёс, мотнув головой, мельком посмотрел на боевого приятеля. Филя присел на землю.

– Ууууууууу, – тихо взвыл он.

– Филя. Что с тобой? Плохо парень работаешь. Ничего не ищешь. Я тебя не узнаю. Что опять – то случилось? – произнёс разведчик Егор, пристально смотря на собаку.

– Уууууууу...

Пёс Филя, мотнув головой, мельком взглянул на добродушное, измождённое лицо хозяина. Немного фыркнул. Передней лапкой поводит по носу. Затем выкатил из слюнявой пасти язык.

– Уууууууу..., – волнительно проорчал он.

– Филя. Искать. Искать тайники, схроны. Искать. Филя. Не будь лентяем. Что у тебя нюх пропал что – ли? – яро произнёс разведчик Егор.

Пёс Филя вскочил на широкие лапы. Повёл носом. Вновь фыркнул. Глаза округлились. Клыкастый боец развернувшись, уставился на лицо хозяина. Точно просил прощения. В глазах поселилось волнение.

– Уууууууааууу, – тихо взвыл пёс, слегка щёлкнув пастью.

Солдат Бероев насторожился. Он, присел возле куста, прихватил рукой боевую собаку. Живо погладил за ухом. Пёс припустил голову. Немного фыркнул.

– Ну... Что с тобой Филя... ААА... Ведь совсем не воротишь носом... Хахахаааа...

Солнечный свет игрался. Наседала жара. Ветви деревьев чуть зашевелились. На сухой земле затрещали сучья. Замелькала фигура. И ещё одна. По пригорку быстро бежал солдат. А впереди на привязи охотничий пёс Ковбой. Быстро дыша, чуть хрипел.

Разведчик Игорь Петренко показался во всей красе. Приятное лицо изнывало жаром. На висках струился пот. Уши смешные топорщились, как у эльфа. Глаза прищурил. На плече автомат ППШ. Клыкастый боец, крутанув хвостом, игриво подпрыгнул. Морда серая, волчья пыхла. Глаза живо бегали. Мощная грудь навывате. Лапы широкие, когтистые широко рас-

тянул. Жил в маленькой деревне. И там его знала каждая собака. Как – то в лесу подрался с волком. Матёрый зверь ему порвал морду. Но и тот не остался в долгу. Вырвал несколько жирных клочков шерсти и слегка оттянул челюсть. Но в целом разошлись миром. Волк больше не посягал на территорию Ковбоя. А курочек местных продолжали списывать на лютого лесного зверя.

Егор насторожился. Филя вытянулся в струнку. Морда напряглась. Слегка щёлкнул пастью.

– Тихо... ААА. Это Петренко со своим псом Ковбоев.

Игорь Петренко живо сбежал с пригорка. Он, слегка дёрнув ременчатым поводком, остановился. Лицо покраснело. Дышал быстро, как и пёс. А у того ещё язык висел на шерстистой груди.

– Стой Ковбой. Ишь разогнался, – бойко сказал разведчик Петренко.

Разведчик Бероев, взглянув на пса Ковбоя, слегка улыбнулся. Тот зафыркал, прижимая лапу к носу. Показалась белизна. Солнечный свет мелькнул по яркому жаркому лицу. Когтистый малыш повалился на сухую траву. Чуть покосил голову. Игорь слегка задумался. Оправил на ремне кобуру. Глубоко вздохнул. Взялся за фляжку с водой.

– Ну, что. Петренко есть чем похвастаться, – бойко сказал Егор.

– Нечем. Мой пёс лениться. Ничего не может. Вроде что – то почуял. Шли на север. А потом как обрезало. Ничего не понимаю, – ответил Игорь Петренко.

– Да. Слушай. У меня такая же картина. Ничего не чуёт. Валиться на землю. Лентяй.

– Может они съели чего не то, – задумался Игорь.

– Блин. Я, кажется, понял, в чём дело. Собаки теплую пищу едят. Вот и не чуют ничего.

ААА... Как думаешь?

– А точно. Температура. Нашу пищу едят. Ковбой ты, что объелся теплой пищей. Хахахааа...

Пёс – разведчик Ковбой, сидя на земле, недоумённо взглянул на лицо хозяина. Глаза наполнились блеском. Казалось, так и хотел что – то сказать. Клыкастый малыш слегка завилял хвостом.

– Я думаю, надо возвращаться. Толку никакого.

– Да. Пойдём. Надо будет сразу доложить командиру.

На небе ярко сияло солнце, тянулись белые облака. Ветерок чуть поддувал. Глаза слепило. Разведчики неторопливо пошли по земле пролеска. Они ритмично поглядели на собак. Шерстистые бойцы, поникши, тихо брели по сухому пригорку. Словно потерялись. Бегло оглядывались. В глазах виднелось волнение. Прижались к хозяевам. Понурили морды, будто провинились.

– Филя и Ковбой ещё себя покажут...

– Аха...

– Ууууууууу...

Солнечный свет ярко светил. На небе неторопливо тянулись бело – серые облака. Появился легкий, прохладный ветерок. На высоких деревьях гулко зашелестела листва. Зелёная долина, уходя вдаль, казалась, бесконечной.

Разведчик Егор Бероев зашёл в штабную палатку. Он, сняв пилотку, слегка нахмурился. Виднелось небольшое волнение. За гладким столом сидел ухоженный офицер – начальник тыла Красной Армии Даниил Страхов. Его приятное лицо имело юношеские черты. Глаза синие, глубокие. Нос прямой. Губы бантиком. Он умело стрелял из пистолета ТТ. Но пользовался своим табельным оружием только на стрельбище.

– Товарищ командир. Разрешите обратиться.

– Обращайтесь лейтенант, – приятным тембром сказал он.

– Товарищ командир тыла. Наши собаки – разведчики стали плохо нюхать.

– Как так?

– Ну, видимо, пища теплая. Наша. И недосмотрели. А собаки едят. Разведка сегодня прошла в пустыю. И видимо...

– Так. Ясно. Понял тебя лейтенант. А давно это у них.

– Да нет. Сегодня только. Хотя...

– Ладно. Всё понятно. Нужно решить этот вопрос с кормлением собак и поскорее, – решительно сказала штабник Даниил Страхов.

– Да.

– Так. Ладно. Исправим эту ситуацию. Сегодня же. Слушай меня. Андрюша Чернышов. Пиши. Распоряжение, – решительно сказал начальник тыла Страхов.

Связист Андрей Чернышов – молодой парень в круглых очках, походил на студента Ботанического университета. Глаза круглые, раскосые. Хлюпкй человек яро возился с бумагами. Утончённое лицо покраснело. Гимнастёрка на нём слегка свисала. Жилистые руки живо задвигались. Он взялся за печатную машинку.

– Сейчас. Диктуйте, – тоненьким голосом сказал он.

– *«В июле 1944 года на 1-м Украинском фронте у нескольких собак – разведчиков в результате грубого недосмотра было заварено чутье, в связи с чем предлагается обращать внимание на температуру пищи при кормлении. Также необходимо предотвратить закладку некомпетентными поварами в котлы полевых кухонь различных специй, снижающих остроту нюха у собак».*

– Написал.

– Поставь дату. Я распишусь. И. Всё. Отправишь распоряжение в полевые кухни.

– Есть...

P.S.

Данный сохранившийся интересный документ был найден в архиве. Содержание документа раскрыто в рассказе.

Ретивые легенды ВОВ. Партизанский пёс «Изверг».

В августе 1941 года в окрестностях Белорусского города Бобруйска поддувал легкий ветерок. На улице вечерело. По тёмному небу неторопливо тянулись серые облака. Вдали растянулся тонкой линией розовый закат. Он как – то чудесно манил за собой. Там на высоких пригорках косились тёмные верхушки могучих елей. Заваяло лёгкой прохладой.

Глиняная дорога петляла. На пригорке возвышались серенькие избы неприметной деревни. По отлогой тропке замелькали фигуры. Неподалеку затарахтели немецкие мотоциклы с колясками. Шум становился всё объёмнее и громче. Рыжеватый, жилистый солдат Боуи, сидя за рулём железного коня, притормозил возле деревянных домов. Поднялась пыль под колёсами. Мотор притих. Рядовой припарковался на обочине дороги.

Оживилась статная, тёмно-зелёная фигура. Немецкий офицер Лорд тут же вылез из коляски. Он, спрыгнув на глиняную дорогу, слегка осмотрелся. Лакированные сапоги блестели. Кожаный плащ сидел как влитой. Под ним скрывалась кобура с именным пистолетом. Лицо арийца слегка напряглось. В нём виднелось множество морщин. Глаза хитрые, змеиные прятались глубоко. Но умело их выпячивал, показывая ядовитую мутность. Губы сухие, крепко сжатые. Немец неспешно пошёл по дороге. Он остановился возле полицаев. Бородатые люди с автоматами, переглянулись.

– Господин офицер.

– Ну, где этот предатель, – яро сказал Лорд.

Немецкий солдат – переводчик Крикс оправил круглые очки на лице. Он выглядел несуразно. Его формы тела складывались нелепо.

– Где укрыватель партизан? – сказал он.

– Здесь господин офицер. В доме.

Бородатый мужичок – полицай по кличке Яшка махнул рукой. Брутальное лицо напряглось. Появилась нелепая улыбка. Выделялась его рыха. На плече висел автомат МП.

– Давай. Выводи на улицу предателя, – басисто крикнул он.

Полицай Кузя и Штырь быстро забежали в бревенчатый дом. Они взяли за руки избитого, окровавленного мужичка. Его лицо изнывало от побоев. Под глазами виднелись синяки. Из носа подтекала кровь. Щёки слегка провалились. Он слегка зашевелил рваными губами. Босые окровавленные ноги волочились. Полицайи, крепко держа пленного Алексея Воробьёва, потащили на улицу. Он слегка дёрнулся. Глотнул своей крови.

– АААА. Суки, – простонал Алексей.

На пасмурном небе растянулись серые облака. Слегка потемнело. Засияла фара на мотоцикле. Немецкий офицер Лорд, направив лютый взгляд на окровавленное лицо Алексея, слегка нахмурился. Он чуть ехидно ухмыльнулся. Руки скрестил за спиной. Полицай Яшка окатил голову пленного холодной водой из ведра. Тот оклемался, чуть приподняв голову. Потекла свежая кровь.

– АААА... ААА...

– Где партизаны русская сволочь? – сказал офицер Лорд.

– Я не знаю. О чём тут говорите, – истекая кровью, срываясь, сказал Алексей.

– Я думаю. Ему досталось мало. Добавьте, – размеренно произнёс немецкий офицер, чуть отойдя в сторону.

Пленного крепко прихватили за руки. Чуть приподняли. Бывалый полицаи Штырь – широкоплечий малый, тут же размахнувшись рукой, со всей силы ударил Алексей по лицу. Брызнули капли крови на траву. Пленный яро мотнул головой. Потянулась слюнка. Голова запала вперёд. Обдало жаром.

– ААА... АААА, – застонал Алексей.

– Ладно. Повторяю вопрос. Где партизаны русская свинья? – яро сказал немецкий офицер.

– Кто? Я не знаю. Я не знаю, где они? – глотая кровь, криво ответил Алексей.

– Хорошо. Я думаю. Нужно ему ещё добавить, – спокойно заявил офицер Лорд.

Пленного вновь приподняли за руки двое ухарей. Они ухмыльнулись. Полицаи Штырь, яро размахнувшись, крепко ударил кулаком Алексей по челюсти. Казалось, что – то треснуло. Брызнула кровь на траву и сапоги. Алексея сильно отбросило. Голова поникла. Он, потеряв чувства, повис на руках brutальных мужичков. Яшка тут же окатил водой голову пленного. Тот пришёл в чувства. Из сломанного носа потекла кровь.

– АААА... ААА, – истошно простонал он.

– Я повторяю вопрос. Русская сволочь. Где находятся партизаны? – яро сказал Лорд, язвительно взирая на пленного.

По тёмному небу неторопливо тянулись серо – синие облака. Ветер чуть поддувал. Веяло прохладой. Вдали уже потемнели леса. Всё сливалось воедино. Кривые заборы в огородах пугали. Из небольшой избы в глубине деревни потянулся дымок.

Немецкий офицер Лорд, слегка нахмурился, пристально глядя в окровавленное лицо Алексей. На нём не имелось живого места. Кожа посинела. Под глазами появилась сечка. Нос покривился. Из него капала кровь. Губы порвались. Он пустил тягучую слюну.

– АААА... ААА...

– Я повторяю вопрос. Где партизаны русская свинья? – сказал жуткий немецкий офицер.

По небу еле тянулась серая муть. Точно застыла. Появились длинные тени. Что – то скрипнуло в соседнем огороде. Покривился высокий забор. Все на мгновение замерли. По воздуху полетели ручные гранаты. Они разом повалились на землю. Время как будто остановилось. Прогрелись взрывы. Земля вздыбилась. Поднялась вверх дорожная пыль. Взметнуло ядовитое, широкое, серое облако. Запахло взрывчатой гарью. Несколько немецкий солдат и полицаев, подлетев в воздух, замертво повалились на землю. Яшке порвало живот. Оголились окровавленные кишки. Он, ещё дёргаясь на пыльной земле, пустил изо рта кровь. Ноги забились в судороге. Его винтовку переломало на части.

Забор покосился. Вылетело несколько досок. Замелькал в темноте огонёк. Гулко забарабанил ручной пулемёт на тачанке «*Маским*». Партизан Петя – молоденький парнишка в широкой кепке был точен. Его молоденькое, белокожее лицо чуть напряглось. Светлые глаза прищурились. Ему шёл шестнадцатый год. На землю повалились гильзы. Пулемётным огнём покосило немецкого мотоциклиста Боуи. Пули просто изрешетили его крепкую грудь. Спина затекла кровью. Он, кувырнувшись, свалился на землю замертво.

Стрельба участилась. Штырь прицельно выстрелил из берданки. Пуля пронзила руку партизана Олега. Он, повалившись на сено, отчаянно заёрзал. Боль жгла. Где – то грохнула граната. Потянулся тёмный дым. Пулемётные пули, адово свистя, прокатились по ногам brutального полицаи Штыря. Возник истошный ор. Ноги подогнулись в коленях. Он, склонившись, выстрелил из берданки. Пули изрешетили его могучую грудь. Штырь замертво повалился на землю. Из рта хлынула кровь. Карабин отлетел в сторону.

В небе зависла мгла. Темнота пугала. Где – то вновь взорвалась граната. Потянулся едкий дым. Немецкий офицер Лорд, спрятавшись, за мотоциклом, схватился руками за уши. Он достал из кобуры пистолет. Сделал несколько шальных выстрелов.

– Русские свиньи, – прошептал офицер.

Бывалый партизан Борис Покровский – парень ловкач резко подскочил к немецкому офицеру. Крепыш числился в цирке Шапито рабочим – уборщиком пару месяцев. Часто напиившись вдребезги. Он с ходу, замахнувшись ногой, ударил Лорда кирзовым сапогом по челюсти. Брызнула кровь. Немец, сильно мотнувшись в сторону, распластался на земле. Пистолет вылетел из рук.

– АААА..., – застонал Лорд.

Борис тут же подобрал с земли пистолет – люггер. Правой рукой набавил офицеру по физиономии. Того прямо прижало к земле. Точно отбойным молотком ударило. Из рта хлыну кровь.

– Лежать сволочь фашистская, – яро сказал партизан Покровский.

Небо ещё больше потемнело. Ветер чуть поддувал. Заваяло сильной прохладой. Высокие деревья окружали небольшой пустырь. Вокруг слышался лёгкий шелест листы. Откуда – то из темноты сиял фонарь. Всё сливалось воедино.

Немецкий офицер Лорд очнулся. Ноги точно одеревенели. Он стоял привязанный к дереву верёвкой. Слегка осмотрелся. На сухожильном лице запеклась кровь. Нос зудел. Губа потрескалась.

Командир партизанского отряда Ярослав Бойко вышел откуда – то из темноты. Лицо кабанье со щетиной мило улыбнулось. Глаза большие сверлили леденящим взглядом. Выделялись широкие, выпуклые губы. Точно их специально вытягивали. Уши топорщились. Она казались огромными. Мускулистый мужичок оправил на голове тёртую кепку. В кобуре на поясе висел огромный кинжал. Рядом стоял стройный, узкоплечий человек – переводчик Дмитрий Певцов. Лицо молодое румяное. Глаза узкие, азиатские. На нём тонкая холщовая рубаха с жилеткой. За пазухой два нагана.

– Ну, что фашист очнулся. Давай рассказывай. Где Ваши части – гарнизоны находятся? Какие планы? Сколько войск? Сколько техники? Рассказывай, – яро сказал Ярослав.

– Офицер. Где находятся Ваши части? – подтвердил переводчик – партизан Дмитрий.

– Русская свинья. Я не буду с Вами разговаривать, – яро заявил Лорд, выплюнув изо рта кровь.

– Он сказал, что мы русские свиньи. И он не будет с нами разговаривать, – перевёл Дмитрий.

– Хахахахахахахааа, – громко засмеялся командир партизан Бойко.

– Смейся русская сволочь. Я Вас не боюсь, – вновь заявил немецкий офицер.

– Что он сказал? – спросил Ярослав.

– Он сказал. Что мы русские сволочи. И он нас не боится, – перевёл партизан Певцов.

– Ладно. Ничего ты сейчас заговоришь, как миленькой. Олежек Харитонов. Ну – ка давай – ка сюда нашего Изверга. Может фриц поговористей станет. Олежек только морду пса свёклой натрите. Ну, чтобы для эффекта. Аха...

– Аха. Сейчас сделаем, – сказал лихой, молодой партизан Олег.

– Сейчас. Отдохни пока фриц.

Небо сильно стемнело. Ветер чуть поддувал. Веяло заметной прохладой. Листва чуть шелестела. Светил яркий, круглый фонарь. Всё вокруг сливалось во мрак.

Олег Харитонов вышел из кустов, держа на привязи большого, лохматого пса Изверга. Он, казался, с два метра высотой. Шестьдесят килограмм живого веса имелись в нём. Какой он масти и породы никто не знал. Шерстистые космы, крутятся, свисали со всех сторон. Лапы точно с сапог сорок пятого размера. Большие глаза прятались в глубине. Массивная голова как у медведя. Морда вся в шерсти, пропитанная свекольным соком. Она и без цвета хаки

наводила ужас. Кобель, приоткрыв пасть, показал мощные клыки. Язык повис. Малыш жил в деревушке до поры до времени. Ему настоящая кличка Сладкий. Но на Изверга он реагировал великолепно. Хотя и не сделал ничего жуткого. Кроме одного случая. Когда он был ещё поменьше, в него ребятня бросила полено. Ему досталось по носу. Тут он взревел. Пробудилась ярость, которая ему не свойственна. Сладкий яро побежал за обидчиками. Они врассыпную. Громила просто снёс с ног рослого Павлика. Тот, улетев в сырую канаву, сломал себе руку в трёх местах. Сладкий, проломив старенький забор, схватил Антона за ногу. Тащил его около трёх кварталов. В общем, по всей деревне. Всю одежду ему изодрал. Антон сломал себе нос, ободрал кожу. Витю в тот злосчастный вечер не заловил. Но потом отомстил. Укусил за лицо возле дома Культуры «Забавушка».

Олег близко подвёл собаку к немецкому офицеру. Пёс облизнулся. Его голова покривилась. Немец плотно прижался к дереву, заострив взгляд на жутком существе. Затаил дыхание.

– Изверг. Враг. Напугай его, – сказал партизан.

– Ррррррееееее, – взревел пёс Сладкий.

Брутальный кобель, жутко оскалив окрашенную, лохматую, безумную морду, уставился на лицо немца. Потекла слюнка. Показался один большой глаз. Он темнел. Сладкий, вытянувшись, щёлкнул большой пастью. Его дыхание донеслось до офицера. Тот искривился. Весь зажался. Встав на носочки, точно въелся в ствол дерева.

– Уууууууэээээ, – взвыл пёс.

Пёс слегка дёрнулся, чуть приподнявшись на широкие задние лапы. Звякнула цепь. Яро облизнулся. Морда вытянулась, чуть ли не касаясь лица Лорда. Тот просто затрясся. Перестал дышать. Кобель вновь яро дыхнул на потенциальную жертву. Из пасти вылетела слюнка.

Олег слегка дёрнулся, еле сдерживая собаку за цепочечный поводок. Жильные руки вытянулись. Лицо напряглось. Немец тут же сдался. Вплотную прижался к дереву. Его лицо задёргалось тиком.

– ААААА. Я всё расскажу. Вам. Я всё скажу. Отведите от меня чудище. Я всё расскажу, – завопил немецкий офицер.

– Говорит, всё расскажет, – перевёл слова немца партизан Дмитрий Певцов.

– Ладно. Отводи собаку, – сказал командир Ярослав Бойко.

Немецкий офицер Лорд, сильно напрягшись, глубоко вздохнул. Он, казался, невероятно напуганным.

– Вот дурак – то фриц. Наш Изверг и мышки – то не обидит. Молодец Сладкий. Этого быстро напугал. Ладно. Скажи, что пускай рассказывает всё, – произнёс командир партизанского отряда Ярослав Бойко.

P.S.

Пёс Изверг всегда проявлял игривость и доброту. Он никого не укусил. Советские партизаны десятки раз использовали пса Изверга, чтобы запугать «языка» противника. Кобель ни разу не подвёл. Прошёл всю войну.

Ретивые легенды ВОВ. Меню для шерстистых бойцов.

28 июня 1944 года в районе Белорусского города Борисова веяло теплотой. На светлом небе тускло сиял солнечный свет. Он прятался точно за тоненькой паутинкой. Ветер слегка поддувал. Близилась вторая половина дня. Где – то в долине утопали в зелени населённые пункты. Высоко носились пернатые. Словно игрались. Змейкой петляла глиняная дорога. А вокруг пустырники, небольшие деревья да кустарники. Зелёные, военные домики тянулись в глубину леса.

Из большой палатки вышел высокий ротный командир Василий Степанов. Лицо багряное, brutальное. Черты грубые, неотёсанные. Глаза точно навывкате. Топорщились несимметричные большие усы. Китель ровный, гладкий. На ремне кобура с пистолетом ТТ. Он оправил зелёную фуражку. На неё блеснула большая красная звёздочка. На площадке собирались солдаты. Кто – то курил. Дымок плавно рассеивался. Вдали на дороге мелькали фигуры. Бойцы стягивались к месту обеденного перерыва.

– Рота приготовиться к приёму пищи, – улыбочиво сказал Василий Степанов.

На завалинке полыхал яркий огонёк костра. Из большого котла шёл вкусный аромат. Парок с дымком живо тянулся вверх. Не в меру упитанный человек в белом халате Константин Хабенский. Лицо круглое, щёки пухлые. Небольшой нос пятаком. Шея втянута в подбородок. Руки как брёвна. Он неспешно помешивал длинной поварёшкой кашу с мясом. Повар слегка нахмурился, наморщив широкий лоб.

Солдат Александр Домогаров, стоя возле стола с хлебом, слегка улыбнулся. На нём красовался не по размеру белый халат. Приятное лицо напряглось. Глаза светлые прищурились. Стройный рядовой принялся нарезать буханки чёрного хлеба на куски.

Советские солдаты, взяв в руки свои котелки, быстро выстроились в очередь. Они заулыбались. Аромат бодрил. Рядовой Юрий Жирков живо принялся искать по карманам ложку. Его суховатое лицо выражало невероятную обеспокоенность. *«Куда я её положил... ААА... За ухом...»*. Упитанный солдат Василий, толкаясь, живо полез вперёд. Его кабанье лицо преобразилось. Человек таранного типа, казалось, никого не замечал. Он заглотил слюнку. Виднелась большая ряха.

– Куда ты лезешь...

– Я занимал.

– Вот же жирдяк.

Повар Василий Степанов взял в руки котелок бойца Алексея Чадова. Тот слегка улыбнулся. Загорелое лицо имело приятные черты. Глаза округлились. Кок ловко положил поварёшкой в солдатский котелок каши с мясом. Тянулся приятный аромат. Аппетит нарастал.

– Приятного аппетита. Давай. Следующий, – яро сказал повар Василий Степанов.

Повар Василий ловко положил в следующий солдатский котелок каши. Он быстро передал посудину солдату Илье Шакунову. Тот принял пайку с радостью. Суховатое лицо преобразилось. Глаза тёмные, глубокие отдали блеском. Аромат пленял. Боец глубоко занюхал горячую пищу.

– Пойдём. Присядем вон туда что ли, – живо сказал рядовой Алексей Чадов.

– Ну, пошли, – ответил солдат Илья Шакунов.

P.S.

Некоторые из выдержек шифр телеграмм тех лет: *«Срочно! Егорову. В дополнение к нашему приказу № И-1-9486. Разъясняю, что все служебные собаки, привлекаемые к розыскным мероприятиям и войсковой операции по делу „Неман“, должны обеспечиваться трехразовым котловым питанием, получая при этом ежедневно полторы суточные нормы продуктов по линии НКО независимо от ведомственной принадлежности. Основание: Распоряжение начальника тыла Красной Армии № 7352 от 19.08.44 г.»*

Хлеба ржаного	400 г	на 1 человека в сутки
Муки II сорта	20 г	на 1 человека в сутки
Крупы	100 г	на 1 человека в сутки
Рыбы	100 г	на 1 человека в сутки
Растительного масла	20 г	на 1 человека в сутки
Сахара	20 г	на 1 человека в сутки
Чая суррогатного	20 г	на 1 человека в месяц
Овощей и картофеля	500 г	на 1 человека в сутки
Томата-пюре	10 г	на 1 человека в сутки
Соли	30 г	на 1 человека в сутки
Уксуса	20 г	на 1 человека в месяц
Перца	4 г	на 1 человека в месяц
Лаврового листа	6 г	на 1 человека в месяц

Ретивые легенды ВОВ. Пёс Тузя в танке.

18 июля 1941 года на территории Молдавской ССР в районе Рыбницы поддувал тёплый ветерок. На светлом, туманном небе светило яркое солнце. Вдали белели пышные облака точно вата. Веяло жаром. Высоко в небе над зелёными, густыми лесами кружил коршун. Он ярко смотрел вдаль. Хищные глаза округлились.

Гулко загудел мотор. В кустах замаячили квадратные формы. По полю неспешно двигался советский, лёгкий танк цвета космос БТ – 7. На броне отразился солнечный лучик. Стальные гусеницы, пригибая траву, продавливали землю. Из трубы тянулся темный дымок. Блистали круглые, небольшие фары. Бронемашина притормозила. Механик танка Антон Хабаров, зорко смотря в смотровое окно, крепко держался руками за рычаги. Суховатое лицо обдало жаром. Маска скрывала потливость. Добрые, светлые глаза прищурились. Наводчик – стрелок Владимир Вдовиченков, улыбаясь, поглаживал пса – лайку Тузю. Средних размеров кобель лизнул брутального мужичка по грубому, щетинистому лицу. Тот прямо засиял. В ледяных глазах жило звериное чутьё.

– Тузя. Сидеть, – скомандовал стрелок.

Пёс усмирился. Чуть потянул мокрым носом. Светлый малыш обладал невероятными скоростными качествами. Любил острые ощущения. За ним гонялись и рыбаки, и продавцы лавок, и даже милиционеры. Его тёмное прошлое никого не волновало. По сути, он должен был отправиться в места не столь отдалённые, где – то на лет так тридцать. Пёс часто нарушал правила дорожного движения, бесплатно ездил на трамваях. Хулиганил по полной. Вырывал булочки и пирожки прямо из рук прохожих. Прыгал, раскрывал пасть, и бежал вприпрыжку. А зеваки изводились на слюну. В большом городе жил раскованно и с шиком.

Механик Антон Хабаров, глядя в смотровое окно, напрягся. В глазах показалась тревога. – Немцы. Колонна техники, – грубым голосом резко произнёс он.

– Где?

– Метров четыреста не больше, – сказал механик.

Старшина – командир танка Дмитрий Миллер – холёный, стройный, невысокий человек тихонько выглянул из люка. Багряное лицо напряглось. Глаза как у дикого сыча. Тонкие губы расширились. На кожаном ремне висела кобура. Он жадно засмотрелся в бинокль. Солнце тускло сияло. Вдали яро замелькали фигуры. Техника задвигалась оживлённо.

– Они нас заметили. Забегали сволочи, – сказал командир танка Дмитрий Миллер.

Мотор тихо ревел. Механик Антон Хабаров нажал на рычаг тормоза. Он слегка нахмурился, направив волнуемый взгляд в водительское отверстие. По виску струился пот.

Стрелок танка Владимир нахмурился. Он бегло глянул на вражескую колонну. Послышался ярый гул моторов. Техника двинулась в разных направлениях. Небольшая тёмно—зелёная фигура яро махала рукой.

Пёс Тузя, резко мотнув головой, уставился на красноватое лицо командира Дмитрия Миллера. Точно задумался, и хотел, видимо, дать верную подсказку. Круглые глаза в томном свете сияли. Клыкастый боец насторожился. Чуть дёрнул треугольными ушами.

– Танки. Сюда прямо пошли на нас. И окружают с флангов, – яро произнёс командир Дмитрий Миллер, зорко взирая в бинокль.

– Что делать – то товарищ командир? – сказал механик Хабаров.

– Надо уезжать. Пробиваться к нашим войскам. Пока время есть. Их слишком много, – добавил стрелок Владимир.

– Нет. Примем бой. Приготовиться к атаке. Хабаров займи позицию в низине. У прореска.

– Есть.

Солнечный свет тускло мерцал, находясь точно в дымке. По небу тянулись мутные облака. Мотор заревел. Блеснули круглые фары. Водитель танка БТ – 7 Антон крепко нажал на рычаги. Жилистые руки напряглись. Бронемашина, протаранив несколько кустиков, быстро поехал по полю. Гусеница глухо засвистели. Механик сбавил обороты. По броне блеснул яркий свет. Танк, развернувшись, остановился. Точно немного провалился между возвышенностей. Командир вновь взялся за бинокль. Виднелась решимость.

– Так броневой снаряд заряжай.

– Есть, – сказал стрелок Владимир.

Пёс Тузя соблюдал спокойствие. Он, резко мотнув головой, волнительно взглянул на Владимира. Заглотил слюнку. Кобель высунул из пасти язык. В его тёмных глазах мелькнул снаряд.

– По головному танку огонь, – скомандовал командир экипажа Дмитрий Миллер.

Мотор затих. Солнце тускло сияло. Вдали по пригоркам среди кустов двигались немецкие бронемшины. Они живо приближались. Яро мелькнул солнечный лучик. Из танкового орудия БТ – 7 гулко вылетел снаряд. Воздух сотряс выстрел. Повисла белая дымка. Броневой заряд с дерзким свистом ударился об башню танка Pz III. Прогремел взрыв в стороне. Потянулся тёмный дым. Немецкий панцер чуть приостановился. На боку брони появилась большая вмятина. Экипаж разбросало по кабине. Механик Босс сильно ударился лицом об стенку. Из носа пошла кровь.

– Точно попали. Не проббили. Далеко. Заряжай броневой, – яро сказал командир Дмитрий, глянув в бинокль.

– Есть.

Солнце томно сияло. Наседал жар. Воздух сотрясли гулкие пушечные выстрелы. Немецкие танки Pz III открыли счёт стрельбе. Белая дымка, развеиваясь, плавно потянулась. Снаряды рядом вонзились в мягкую землю. Один за другим прогремели взрывы. На советский танк полетели травянистые кочки. Едкий дым потянулся стеной. Осколки зарядов прокатились градом по броне. Механик Антон покачнулся. Рукой зажал нос. Тут же выпрямился. Коман-

дир БТ – 7 Дмитрий Миллер еле устоял. Пёс Тузик прижался к стенке. В глазах поселилась тревога. Уши прижал к голове.

– Огонь, – яро скомандовал командир.

Дымок рассеялся. Тянуло взрывчатой гарью. Владимир нажал на пуск. Бронемашина чуть дёрнулась. Из танкового орудия гулко вылетел снаряд. В Воздух сотряс гулкий выстрел. Над пушечным стволом зависла белая пелена.

Бронебойный заряд со свистом врезался точно в головной танк Pz III. Прогремел взрыв. Вздрыгнуло тёмное, дымчатое, синеватое пламя. Экипаж разбросало. Наводчик Тони, широко расправив конечности, ещё стонал. Из растерзанной спины торчал острый, окровавленный штырь.

БТ – 7 чуть развернул башню. Командир Миллер крепко сжал кулаки. Живо глянул в бинокль. Владимир малозаметно улыбнулся. Тузик не подавал виду. Замер у стенки.

– Попали. Горит сволочь. Встал, – радостно произнёс Дмитрий.

– Попали. Тузя. Попали, – навеселе закричал стрелок Владимир, приобняв собаку.

Солнечный свет томил. В воздухе вновь засвистели немецкие танковые снаряды. Один за другим прогремели гулкие взрывы. Земля вздыбилась вверх. На советский танк полетели камни и кочки. Потянуло взрывчатой гарью. Осколки жёстко царапали броню. В ушах зазвенело. Механик Антон зажался, закрыв руками лицо. Все замерли. Пёс Тузик прижался к полу. Он исподлобья посмотрел на экипаж. Уши сузились. В глазах читалось: «*Что за дела...*».

– Уууууууууу, – встревоженно взвыл пёс.

– По правому танку огонь, – яро сказал Миллер.

На небе тускло сиял солнечный свет. Капитан Дмитрий живо глянул в бинокль. Механик советского танка БТ – 7 Владимир выстрелил, нажав на пусковую установку. Из танкового орудия гулко вылетел снаряд. Забелела дымка. Движение серой, квадратной фигуры остановилось. Неподдалёку прогремел взрыв. Немецкий танк Pz III с длинной пушкой, чуть развернувшись, загорелся. Вверх понеслось облако тёмного дыма. Из кабины потянулись языки пламени. Оттуда яро выскочил коренастый механик Зигмунд. Тёмная фигура полыхала огнём со всех сторон. Она повалилась на траву, и казалось, замерла.

Вновь блеснул яркий солнечный луч. Где – то рядом сильно грохнуло. Покосилось небольшое дерево. Земля взорвалась. Потели адские осколки. Появился скрежет. Механик отпрянул в сторону. Командир Дмитрий, глядя в бинокль, слегка ухмыльнулся.

– Попали. Заряжай. По левому танку. Огонь, – решительно сказал он.

Солнце вдали белело. Где – то рядом грохнуло. Владимир ловко выдал заряд. Из орудия БТ – 7 гулко вылетел бронетанковый снаряд. Он, просвистев, вонзился в немецкий танк Pz III с короткоствольной пушкой. Вздрыгнулся дым. Вражеская бронемашина остановилась на крутом склоне. Чуть покосилась. Показалось синее пламя.

Блеснул лучик. Грохнуло сзади. БТ – 7 слегка покачнулся. Командир Дмитрий Миллер вновь взялся за бинокль.

– Получай фашистская гадина.

– Есть. Попали.

– Попали Тузик. Держись.

В воздухе засвистели снаряды. Гулко грохнуло несколько раз. Земля вздыбилась вверх вместе с языками пламени. Всё заполонило адским, тёмным дымом. Экипаж зажался. Пёс Тузик, чуть приподнявшись, слегка завилял хвостом. Виднелась тревога. Кобель, резко мотнув головой, тут же зажался.

– Отходим назад. Давай...

Заревел мотор. Механик Хабаров нажал на рычаг газа. Советский танк дёрнулся. Яро съехал с места. Попятился назад. Гусеницы заскребли разбитую землю. Солнечный свет мелькал где – то вдали, таясь в тёмном мраке. В воздухе засвистели снаряды. Земля яро вздыби-

лась вверх. Несколько вражеских боезарядов гулко вонзились в броню советского танка. БТ – 7 заметно качнулся. Отлетели снарядные осколки. Потянулась в брешу змейкой гарь. В ушах загудело. Капитан Миллер слегка кувырнулся. Его грудь живо затекла кровью. В бинокле вылетели стёкла. Механик Хабаров замер, держась руками за рычаги. Из ушей живо потекла кровь. Лицо покрылось чернотой и закоптелось. Пёс Тузя лёжа под телом командира, слегка оскалился. Яро задёргал лапами. Когти заскребли металл. Дыхание спёрло. Дым наседавал. Давила тяжесть сжатого воздуха.

– Ууааууааууаауууу, – отчаянно заскулил он.

Стрелок Владимир Вдовиченков сильно зажался, схватившись крепкими руками за голову. Вокруг всё кружилось. Из носа потекла кровь. Лицо покрылось чёрной копотью. Под глазом раскрылась большая сечка.

Пёс Тузя как мог приподнялся. Безумные глаза округлились. Шерсть вздыбилась. От неё шёл дымок. Кобель, осмотревшись, живо полизал чёрное лицо любимцу Владимиру.

– Уууаааууууаауууу...

– АААА. Тузя. Уходи. Беги. Отсюда. Я прикрою тебя из пулемёта. Беги Тузя. Беги. Люк открыт. Я тебя сейчас выброшу, – сбивчиво сказал Владимир Вдовиченков.

Где – то рядом грохнуло. Пронёсся жуткий свист. Покосилось деревце. В тёмном дыму мелькал солнечный свет. Стрелок Владимир, еле приподняв собаку за грудки, высадил на горящую броню. Глотнул воздуха. Пёс Тузя тут же резво соскочил с накалённого металла. Яро огрызнулся. Показал оскал. Шерсть чуть оплавилась и почернела. Кобель быстро побежал по полю. За ним струился небольшой дымок. Глаза безумные округлились, как могли. Из пасти вытянулась слюнка. Пёс остановился, тревожно посмотрев на горящий танк БТ – 7.

– Уууаввуавуавуаввв, – яро заголосил он.

На небе ярко засияло солнце. Туманная дымка совсем рассеялась. Ветер чуть поддувал. Веяло лёгкой теплотой. Вдали пухла яркая красивая облачность. Вокруг возвышались еловые леса, да кое – где виднелись пригорки с кустами.

Немецкий офицер Клаус, взирая в бинокль, сильно нахмурился. Глаза ярые напряглись. Суховатое лицо чуть покосилось. Тонкие губы крепко сжались. На фуражке зиял череп. Его прозвали «Адский математик», за его страсть к счёту. Он яро посмотрел на своих солдат – автоматчиков. Немец вновь прильнул к биноклю.

– Из танка вылезла собака. Убейте собаку танкиста. Убейте её, – громко, недовольно закричал Клаус.

Солнечный свет ярко сиял. Дым поднимался высоко. Тянуло гарью. По полю быстро побежали немецкие автоматчики. Моторы затихли. Бронемшины приостановились. Воздух вновь сотрясли гулкие танковые выстрелы. Где – то взрывалось. Тянулся адский дым. Земля переворачивалась. Пёс Тузя быстро побежал по полю, сверкая пятками. Язык повис. Вновь пронёсся гулкий взрыв чуть позади. Кобель, подскочив, чуть пригнулся. Его накрыло землёй. Полетел кувырком. Но тут же вскочил на лапы.

– Уауауауауауауааа, – отчаянно взвыл он.

Пёс Тузя быстро побежал по полю. Чуть впереди разлетелся снаряд. В ушах зазвенело. Клыкастый боец резко повернул в сторону. Он, виляя, заскочил в пролесок. Живо скрылся из видимости. Немецкий офицер Клаус, яро задрожав, сильно нахмурился. Кулаки крепко сжались. Он, взбесившись, отпустил бинокль.

– ААААА. Вы упустили собаку танкиста, – яро заявил Клаус.

По светлому небу неспешно тянулись бело – серые облака. Ветер чуть поддувал. Солнечный свет мелькал, теряясь в мрачной мгле.

На пригорке блеснул луч солнца. Замелькали тёмно-серые фигуры. Они приближались. Выделялся один яркий силуэт.

Советский танк БТ – 7 пламенел от огня. Вверх тянулся тёмный, не просветный дым. Стрелок Владимир, затаив дыхание, открыл шквальную стрельбу из станкового пулемёта. Посыпались гильзы.

Несколько немецких солдат – автоматчиков повалились на землю замертво. Кто – то покатился по склону. Все затаились по кустам. Пронёсся яркий крик. Панцеры открыли огонь. Прицельно забили из всех орудий. Танку БТ – 7 погряз в облаке тёмного дыма. Прогрели сильные взрывы. Земля вздыбилась вверх. Бронемашину сильно пробило снарядами. В сторону отъехала башня. Вверх потянулся тёмный, едкий дым. Всполохнул яркий огонь.

Стрелок Владимир, кувырнувшись, замер на месте. Его тело, пронзив осколками, сильно отнесло в сторону.

P.S.

Пёс – танкист Тузя передал документы, письма танкистов советскому командованию. Кобель прошёл всю войну. Он стал служить связистом. Получил награду.

Ретивые легенды ВОВ. Чуткий санитар – овчарка Лайма.

28 января 1944 года на Правобережной Украине в направлении Ровно дул сильный ветер. На однотонном небе тянулась сероватая дымка. Солнце тускло светило, скрываясь за раскатыстой туманной мглой. То появлялось, то исчезало, радуя томными лучами. Вдали тянулась полосой яркая синева. Веяло холодом. Виду открывалась лесисто – болотистая местность. Жуткая распутица и сырость раскрывала свои широкие объятия. Высокие сосны кривились, утопая в топях. Впереди маячили небольшие пригорки.

В кустах да низинах замелькали бегущие фигуры. Бойцы 60-ой армии повылезали из траншей. Пошли в атаку. К большому стволу дерева прижался комиссар Евгений Дятлов. Глаза светлые шальные на выкате. Сухие, треснутые губы покривились. Нос витой. Как – то боец держал удар на ринге на соревнованиях. Стальной соперник Роберт яро отбивал ему рёбра возле канатов. Кровь лилась ручьём. В глаза х темнело. Дышать становилось нечем. Отбитые лёгкие зудели. Прозвучал спасительный гонг. Секундант в углу Миколка взорвался. Из рта полетели слюнки. *«Женя ты же не сачок. А ведёшь себя как баба трусливая... Джеп. Джеп. Работай. Не стой в углу. Ты же танцор мать тебя эти... Зажми его в углу. Он тоже танцор. Зажми его в углу. Удар ты держишь. Теперь покажи свой... Ладно. Я тебе всё скажу. Сначала он тебя поймает. Потом меня. Затем твою семью... Хочешь этого...»*. Евгений взорвался, мигом вскочив на ноги. Прозвучал гонг. Рефери дал сигнал о начале нового раунда. Евгений словно пантера выскочил на ринг. Тут же размахнувшись, снёс мощным прямым ударом в челюсть своего визави. Роберт упал с треском. Голова завалилась назад. Вылетела капля изо рта. Слюни размазались по всему кровавому лицу. Его унесли на носилках в начале десятого раунда.

Евгений выпрямился в полный рост. Он, яро махнув крепкой мускулистой рукой, блеснул именным пистолетом ТТ.

– Вперёд! Батарея за мной, – яро закричал он.

– Ууууррраааа, – закричали солдаты.

По лесной, болотной слякоти яро побежали бойцы. Ноги застревали в мрачной жиже. Замелькали блестящие штыки. Выделялся высокий рядовой Александр Абрамов. Ярость брала своё. Глаза навывкате, широкие, как у лютого вепря. Руки словно бетонные столбы. Кулаки из стали. Лицо большое, овальное. Огромные скулы. Челюсть выставлена вперёд. Он, казалось, может легко врыть дерево, и бросить на сто метров. Его рёв пугал даже своих сослуживцев.

Солнечный свет тускло мелькал. В воздухе засвистели вражеские, миномётные снаряды. Прогрелись взрывы один за другим. Где – то далеко грохнуло. Затем ближе. Ещё ближе. Земля вздыбилась вверх. Покосилось несколько деревьев. Затрещали кусты. Опахнуло душной гарью. Повалил мрачный, тёмный дым. Кто – то рухнул в жижу прямо ничком. Уже не шевелился. Вновь гул и свист. Грохнуло впереди. Посыпались шлепки вонькой грязи.

Рядовой Станислав Бондаренко, замерев на мгновение, дёрнулся вперёд. Сапоги увязали в жиже. Широкие, светлые глаза хлопнули. Вся жизнь мигом пролетела. Неподалёку взорвался снаряд. Вокруг резко потемнело. Боец, широко взмахнув руками, слегка подлетел от ударной волны. Посыпались минные осколки. Станислав искривился. Прогнул спину. Руку и ногу пронзило осколками. Вся влажная, грязная одежда окропилась кровью. Винтовка отлетела в сторону.

– АААА, – истошно закричал солдат Бондаренко, скатившись в небольшую воронку в лесистой полосе.

В воздухе вновь засвистели снаряды. Прогрели взрывы. Земля сильно вздыбилась вверх. В разные стороны полетели осколки. С жутким скрежетом покривилось дерево. Потянулся стеной смрадный дым. Взрывчатая гарь просто душила.

Станислав, лёжа на дне воронки, закрыл рукой лицо. Полетели шлепки жижи. Его сильно присыпало землёй. Вновь всё вокруг потемнело. Холод наседавал. Солдат потерял сознание.

На улице сильно стемнело. По небу тихонько ползла мрачная, дымчатая мгла. Ветер чуть поддувал. Веяло заметной прохладой. Всё затихло. Вокруг по болоту гуляла пустыньность. Что – то дымилось в небольшой воронке. Бело – серый дымок, еле пиликающая, тянулся тонкой змейкой вверх.

На пригорке мелькнула небольшая тень. Возле помятых кустов замаячила приземлённая шерстистая фигурка. По лесной, болотистой полосе тихонько брела собака – санитар Лайма. Морда лисья чуток напряглась. Глаза тёмного цвета блеснули в темноте. Высокая, статная особа облизнулась. На боку висел мешок с красным крестиком. Она резко остановилась. Нюх обострился. Родилась малышка в небольшой деревне. Её хозяин Витя Рогулькин любил побаловаться водкой. И ей всегда наливал. Зелёный змей его – то и сгубил. Лайма долго бродяжничала. Не знала, куда себя деть. Как утолить горе. Пробрела сотни километров. Январской, холодной ночью взяли её служивые на вокзале ещё тепленькой. Накормили и выписали военный билет.

Лайма, чутко принюхиваясь, живо забегала. Во мраке блеснули глаза. Нюх вновь обострился. Она низко склонила острую морду к земле. Чуть зафыркала. Немецкая овчарка Лайма уткнулась носом прямо в жижу. В сырости надулся пузырёк. Он тут же лопнул.

– Ууууааауууаааууу...

Санитар Лайма быстро задёрнула передними когтистыми лапами. В стороны полетела противная жижа. Малышка почуяла раненого живого человека. Усилила темп. Пастью откинула в сторону широкую ветку. Сама замазалась в грязи. Лапы утопали глубоко в сырости.

– Ууууаааууу, – яро взвыла она.

Лайма спустилась на дно воронки. Брюхом скатала грязь. Она, раскрыв клыкастую пасть, схватила бойца за ворот шинели. Тут же живо попятилась назад. Сильно увязая лапами во влажной земле, чуть протащила находку. Тяжело задышала. В тени показалось лицо человека.

– Уууууаааууу, – волнительно взвыла собака.

Шерстистая малышка, принюхавшись, быстро зализала грязное лицо контуженого бойца. У него чувствовалось слабое дыхание. Лайма заметно фыркнула. Морда насупилась. Санитар выплюнула из пасти жижу. Дёрнула ушами. Овчарка присела, направив волнительный взор на раненого солдата. Мелькнуло недоумение. Она живо осмотрелась. Собака, склонившись, вновь полизала окровавленное лицо бойца Бондаренко. Станислав вдруг вздрогнул. Он очнулся. Тут же забрал полные легкие воздуха.

– ААААА, – простонал раненый боец.

Красноармеец Бондаренко приоткрыл глаза. Он, увидев очертания звериной морды, слегка нахмурился. Пробежал испуг. Глаза округлились. Сердце сжалось в груди. «*Боже... Это что зверь... ААА... ААА...*», – подумал он. Боль в руке жгла. Ноги словно одеревенели. Наседала противная сырость. Одежда липла к телу. Лайма не сводила глаз с бойца.

– АААА... ААА, – простонал Станислав лёжа в слякоти.

– Ууууааауууу, – взвыла собака Лайма.

– АААА. Собачка. Ты. АААА... Это собака... АААА, – произнёс он, ощущая жуткую боль.

Боец Бондаренко слегка пошевелил правой рукой. Всё тело гудело. Боль пронизывала насквозь. Он нахмурил брови. По щеке прокатилась капелька жижи. Губы покривилась. Во рту осела мокрая грязь. Станислав волнительно посмотрел на морду собаки. Глаза сузились.

– АААА. ААА... Не могу пошевелить ногами... ААА. Пёсик. Пить. Я хочу пить, – застонал боец, лежа в земляной воронке.

Овчарка Лайма, повернувшись боком, повалилась на землю. Она, держа на себе санитарную сумку, чуть подползла к бойцу. В глазах виднелось волнение. Станислав, чуть вытянув руку, еле взял из сумки фляжку с водой. Откупорил ртом.

– АААА, – застонал он.

Станислав принялся жадно пить воду. Жидкость потекла по окровавленным щекам. Скользнула по шее. Углубилась дальше. Рука сильно задрожала. Он обронил фляжку на землю.

– АААА. Пёсик. Спасибо тебе, – прошептал он.

Лайма, наблюдая, подняла нос кверху. Быстро облизнулась. Во мраке блеснули её волнительные, умные глаза. Она чуть приподнялась.

– Уууааауууааууу, – взвыла собака.

– Беги... АААА... ААА...

Овчарка Лайма быстро выскочила из воронки. Она, осмотревшись, живо побежала по лесистой местности. Только пятки сверкали. Живо скрылась в темном пролеске.

– Ууууууу, – тревожно взвыла собака на бегу.

Вокруг царил темнота. Веяло свежестью. Возвышались высокие деревья. Их ветви слегка колыхались точно живые. Солдат Бондаренко, лежа в земляной воронке, закрыл глаза. Он, истекая кровью, сильно наморщился. Тело прело от сырости. Наседал холод. По коже побежала дрожь. Раны сильно жгли. Боль пронизывала.

Небо невероятно потемнело. Появился заметный, прохладный ветер. Завеяло ярим холодом. По болотине гуляла пустыньность и легкий гул. Где – то среди деревьев замелькал огонёк. Трещали обгорелые сучья в костре. Вверх тянулся дымок. Вблизи маячила разбитая, влажная, расплывчатая дорога. Она, виляла змейкой, уходя глубоко в тёмный лес.

Санитар Лайма резко побежала по следу. Она резко выскочила из кустов на огонёк костра. Овчарка, озабоченно смотря на лица солдат, яро запрыгала. На больших брёвнах сидели бойцы, согреваясь теплом синего пламени. Боец Максим Матвеев широко ухмыльнулся. Широкое лицо напряглось. Виднелась жёсткая щетина. Глаза дикие. Он держал в руках автомат. Анатолий Руденко бросил на землю тлеющую папиросу. Его грубое лицо в томном свете выглядело жутковато. Широкий рот, округлые глаза, длинный нос, – его словно высекали из камня топором. Мощные руки держали винтовку.

– Собака прибежала, – басом сказал Матвей.

– Ууууааауууу, – прыгая, яро заголосила овчарка.

– А. Так это же Лайма. Овчарка Виталия Емашова, – сказал солдат Руденко.

– Правда что ли...

– Ууууаааууууу, – встревоженно взвыла собака.

Лайма мотнула массивной головой. В глазах виднелась тревога. Овчарка живо отбежала в сторону от костра. Она остановилась, взглянув на мужчин. Бойцы, переглянувшись, недоумевали.

– Уууааауууу, – яро взвыла собака.

– Слушай. Она вроде нас зовет куда – то.

– Точно. Зовёт, – сказал Максим Матвеев.

– Ууууууаааууу, – взвыла овчарка, вновь чуть отбежав в сторону.

– Пойдём что ли...

Собака пристально уставилась на лица незнакомых солдат. Язык висел. Дыхание участилось. Шерсть покрылась грязной изморосью. Овчарка резко мотнула головой. Вновь побежала по упругим кочкам. Из пасти потянулся парок.

– Побежали за ней. Что – то хочет показать, – сказал Анатолий Руденко.

– Аха...

Овчарка Лайма быстро побежала по влажному, грязному распутию. Засверкали пятки. Она бегло оглянулась на бегу. Виднелась ярость. Лапы глубоко проваливались в жижу. Солдаты, еле поспевая, живо побежали за собакой. Они, тяжело дыша, переглянулись. Лица нахмурились, глядя вслед шерстистой малышке.

– Куда она нас зовёт?...

– Аха... Кругом болото...

Близилась ночь. На небе тихонько плыла мрачная мгла. Ветер сильно поддувал. Веяло сильной прохладой. Заскрипело покорёженное дерево. На тёмном пустыре загулял гул.

Овчарка Лайма, вильнув хвостом, подбежала к воронке. Она присела, живо обнюхав лицо солдата. Брюхо вновь отсырело. Шерсть замазалась в свежей грязи.

– Уууааауууааууу, – волнительно взвыла Лайма.

Раненый красноармеец Станислав Бондаренко приоткрыл глаза. Он, казалось, слегка улыбнулся, увидев знакомую мордочку. Лицо заметно побледнело. Боль давила. Рассудок помутился. Холод пронизывал насквозь. Из ран струилась кровь.

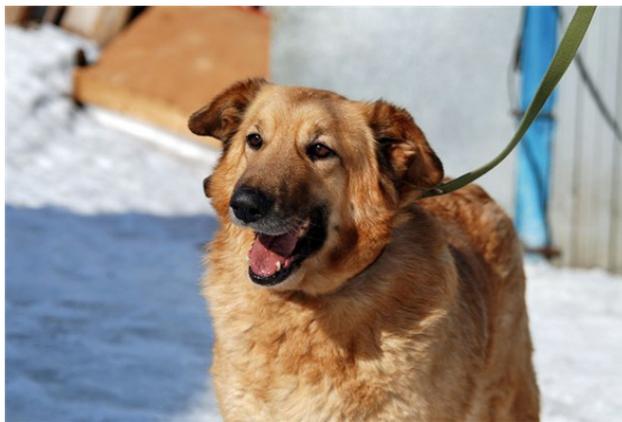
Бойцы Максим Матвеев и Анатолий Руденко остановились возле воронки. Живо переглянулись. Под ногами чмокала жижа. Сапоги увязали в грязи. Чувствовалось их тяжелое дыхание.

– Солдат. Живой, – сказал Анатолий.

– ААААА, – застонал раненый боец Бондаренко.

– Живой, – сказал Максим Матвеев.

– Сейчас мы тебя вытащим. Держись, – заявил солдат Анатолий Руденко.

Лайма.

P.S.

Собака – овчарка санитар Лайма оказала помощь 1635 раненым бойцам – красноармейцам. Прошла всю войну.

Солдат – красноармеец Станислав Бондаренко дошёл до Берлина. Получил боевые медали.

Ретивые легенды ВОВ. Фатальный укус пса Шарика.

23 августа 1941 года под Белорусским городом Витебском веяло заметной прохладой. Небо темнело. Вдали над горизонтом зависло приятное зарево. Тёмное облако вытянувшись, приобрело форму аллигатора. Он слегка приоткрыл лютую пасть. Крокодил изящно крутил хвостом. Даже клыки виднелись. Морда сомкнулась. Но затем хищник вытянулся ещё больше. Пасть расплющилась. Кайман растворился. Облако приобрело вид обычной дымки. Ветер слегка поддувал. На деревьях чуть шелестела листва.

Возле лесной дороги затарахтел мотоцикл. В темноте на тропе пролеска возникли серые фигуры. Они живо задвигались меж кустов. Становились всё объёмнее. Брутальные полицаи Хмурый и Винтик тащили за руки слегка раненого лейтенанта Андрея Чернышова. Глаза смыкались. Под ними выступили яркие синяки. Из рта тянулась кровавая слюна. Дышалось тяжело. Он волочил босые ноги по замятой траве.

– АААА. Сволочи, – тихо произнёс красноармеец.

Немецкие полицаи остановились возле большой белоствольной берёзы. Они живо принялись привязывать верёвкой Андрея к дереву. Он же еле себя сдерживал. Ноги подкашивались. Вытянулась слюна. Хмурый – толстощёкий мужичок Митя, размахнувшись, врезал Чернышеву по лицу. Тот поддал назад. Точно искры из глаз полетели. Голова повисла. Нос, казалось, покривился.

– ААА... АААА...

– Стой сволочь, – сказал полицай Хмурый.

– ААА, – простонал Андрей, чуть мотнув головой.

– Всё. Готово.

Боец Чернышов прижался к дереву. Крепко стянули верёвки грудь и ноги. Из рта потянулась слюна. В глазах темнело.

– Всё. Привязали. Можно допрашивать скота вонючего...

– Дай – ка я ему врежу...

Полицай Винтик, размахнувшись рукой, со всей силы ударил кулаком красноармейца по лицу. Андрей чуть отпрянул в сторону. Брызнула кровь из носа. Голова вновь повисла. Потянулась тягучая слюна. Боль пронизывала изнутри. Всё закружилось вокруг.

– ААА... ААА – простонал раненый солдат.

Ярый полицай Сергей Гамаш хитро ухмыльнулся. Его суховатое лицо наполнилось морщинами. Глаза бегали. Большие круглые уши топорщились. На голове сидела большая, рваная кепка. На теле красовался пиджак без пуговиц. Широкий рот, казалось, не закрывался. Он имел придурковатый вид. Умом особо не отличался. Зато стрелял точно. На его плече висел автомат МП. Мужичок закурил папиросу. Дымок плавно потянулся вверх.

– Молчит...

– Ну. Сволочь русская. Жить хочешь. Будешь сотрудничать с нами, – сказал Сергей.

– АААА, – простонал лейтенант Чернышов.

– Что ты сказал?

– Я говорю. Да пошёл ты гад фашистский, – яро ответил лейтенант Андрей Чернышов.

– Ребята. Добавьте – ка ему для понятливости, – спокойно сказал полицейай Гамаш.

Полицейай Хмурый ухмыльнулся. Лицо ужасно покривилось. В томном свете походил на вурдалака. Он, скинув винтовку с плеча, со всей силы врезал Андрею по лицу. Тот покосился. Голова запрокинулась. В сторону полетели брызги крови. Хмурый мучитель, вновь замахнувшись, ударил под дых пленника. И ещё жёстко по лицу. Что – то треснуло. Сильно потекла кровь из носа Андрея.

– АААА, – тихо застонал лейтенант Чернышов.

– Хватит.

Полицейай Хмурый чуть отошёл в сторону. Он принялся обтирать окровавленный кулак об зелёную траву. В лице виднелось упоение. Широкие губы вытянулись. Глаза точно шальные. Словно напугали в детстве.

– Ну, что сволочь. Образумился. Ты будешь с нами сотрудничать, – яро спросил Сергей.

– Да. Иди ты сука, – промямлил боец.

Андрей, выпрямившись, плюнул кровью в лицо немецкого полицейая. Сергей яро нахмурился. Тут же обтёр лицо рукавом куртки.

– Зря. Мразь поганая, – сказал Сергей.

Полицейай Винтик тут же налетел на Андрея. Яро замахал кулаками. В стороны полетели брызги крови.

По тёмному небу неспешно тянулась серая мгла. Ветер чуть поддувал. Веяло прохладой. Во мраке перелеска замелькали высокие тени. Они, казалось, крались. Силуэты становились всё обозримее и живее. За осинкой треснул сучок. Время словно замерло. Вдали закричала кукушка.

Партизан Антон Макаровский – стройный, молодой парень ловко бросил гранату. Тут же прижался к дереву, держа в руке большой наган. Прогремел взрыв. Вверх повалил тёмный дым.

Несколько часовых – полицейаяв чуть подлетели в воздух. Они повалились на землю замертво. Их раскидало в разные стороны. Кислый, дрожа, держал в руках свои окровавленные кишки. Он яро судорожно дрыгал ногами. Мелькнул огонёк. Шквально забарабанил пулемёт «Дегтярёва». Невысокий, усатый мужичок в кожане орудовал точно. Узкие глаза округлились. Пули покосили брутального полицейая Тошу. Его просто изрешетило вдоль и поперёк. Даже кожу содрало с половины лица.

Партизанский пёс – дворняга Шарик быстро побежал по лесной тропе. Живо засверкал пятками. Малыш любил мороженое – пломбир. И мог сделать за него всё что угодно. Ловкий, слизкий, светлый кобель обладал ярой скоростью. Она не раз спасала ему жизнь. Уши покосились. На одном из них виднелся шрам от снаряда.

– Ууууууаааууу, – взвыл кобель, чуя кровь.

– Партизаны. Надо уходить, – произнёс Хмурый.

– Да. Уходим.

– А с этим что делать?

– Кончай с ним. Уходим, – сказал полицейай Сергей.

– Аха... Сейчас кончу...

В темноте замелькали фигуры. Звучало эхо шквальной стрельбы. Полицейай быстро побежали по лесной тропе. Они, тяжело задышав, сильно напряглись. Сергей Гамаш приостановился возле густого куста. Хмурый достал из кармана пистолет – люггер. Андрей, стоя у дерева, слегка улыбнулся. Он, сплюнув изо рта кровь, яро взглянул на жеманное лицо полицейая. Хмурый вытянул руку с пистолетом.

– Сдохни сука, – сказал Хмурый.

Партизанский пёс Шарик резко выскочил из кустов. В округлых глазах появилась неуёмная ярость. Он, подпрыгнув, вытянулся в струнку. Кобель невероятно оторвался от земли.

Рулил хвостом. Широко расставил лапы. Пёс, раскрыв ярую пасть, сильно вцепился за руку Хмурого. Повис на его конечности. Тот покривился. Лицо сжалось от боли. Глаза прищурились. Он закусил себе губу до крови.

– Ррррееееее, – взревела собака.

Хмурый заметно пошатнулся. Рука предателя дрогнула. Полицай нажал на курок пистолета. Воздух сотряс выстрел. Пуля вонзилась в дерево. Хмурый тут же обронил пистолет.

– АААА... ААА... Сволочь. Поганая. Отпусти, – истошно завопил он.

Пёс Шарик, крепко держась пастью за руку полицая, неистовствовал. Пустил слюни. Тот покривился, еле сдерживая пронизывающую боль. Потянулся в сапог за ножом.

– АААА... Сука... Убью...

– Уууууаааууууу, – взвыл шерстистый малыш.

Партизан Григорий Антипенко – человек метр с кепкой по кличке Коротышка, прицелившись из винтовки, нажал на курок. Пуля зверски пробила голову полицая Хмурому. Череп просто раскололся надвое. Кровь расплескалась в радиусе пяти метров. Он повалился на землю замертво.

P.S.

Партизанский пёс Шарик прошёл всю войну. Кобель всегда отличался своей ловкостью, быстротой и сообразительностью. Слава Шарик.

Ретивые легенды ВОВ. Партизаны и стая малых бойцов – красноармейцев.

6 июля 1942 года под Ярцево на территории СССР поддувал легкий ветерок. На улице вечерело. Небо заметно потемнело. Набухали темно – синие облака. Вдали тянулась длинная полоса розового, заманчивого цвета. Где – то там возрастали тёмные еловые леса. Их верхушки смотрелись чудно. На вершине горы серели небольшие домики. Они, казалась, невероятно безжизненными. Там петляла золотистая дорога. Она терялась, как будто обрываясь в пропасть.

Глухо затарахтел мотор. Замаячила на пригорке сероватая, квадратная фигура. Немецкая бронемашинка неспешно ехала по дороге. На горизонте показалась небольшая деревушка. Одна улица. Серые домики скрывались за косыми изгородями да кривыми заборами. Водитель Ганс – молодой парень, чуть выкрутив руль, притормозил. Бронетехника, скрепя большими колёсами, остановилась прямо на глиняном пути. Показался немецкий офицер Фазис. На голове зияла фуражка с черепом. Лицо суховатое, едкое. Черты слизкие. Глаза тёмные, слегка косые. Он слыл стервозным и безжалостным. Всякий раз доказывал на деле свою жестокую сущность кровью. Пожал узкими плечами. Яро зажестикублировал.

– Ком. Ком, – противным голосом сказал он.

Немецкие солдаты живо попрыгали из бронемашинки. Сотрясли пыль. Они, держа в руках автоматы, побежали во двор дома. Упитанный рядовой Шип – круглолицый, белобрысый солдат открыл двери курятника. Из сарая тут же вылетела курица. Показался серый гусь лапчатый.

– Кудкудах... Кудкудах...

Шип, склонившись, тут же замахал руками. Он выглядел весьма неуклюже. Автомат, сваливаясь, мешал. Курицы то разбежались, то взлетали. Виднелся испуг.

– Кудкудах... Кудкудах...

По тёмному небу неторопливо тянулась серая облачность. Поддувал легкий ветерок. Вдали мелькала розовая дымка. Она растянулась, превратившись в небольшую щёлку. Наседали мошки. Они надоедливо кружили целыми полчищами.

В полумраке замелькали фигуры. Они живо двигались. Высокие тени скользнули по огороду. Партизаны затаились возле покорёженного невысокого забора. И стар и млад, переглянувшись, замерли. Лица сосредоточились, наблюдая за немецкими солдатами. У кого берданка, у кого наган. Появилось небольшое напряжение. Дед Игнат оправил на голове кепку. Лицо морщинистое. Глаза глубокие в узких щёлках. Сам с метр ростом. Он слегка ухмыльнулся, держа в жилистой руке большую гранату.

Командир партизанского отряда Егор Бероев слегка нахмурился. Лицо широкое, багряное. Шея слилась с подбородком. Глаза светлые широкие шальные. После контузии он оказался в лесу. После выздоровления взялся за отряд. На нём красовалась порванная кожаная куртка и продырявленная фуражка. Сам двуличный, как кабан. Руки, словно деревянные. В руках наган. Рядом с ним загорал партизан Даниил Страхов. Миловидный рубаха парень. В руках винтовка.

– Восемь человек. Я насчитал, – сказал он.

Игорь Петренко лихой бородач. Недавно отпраздновал своё шестидесятилетие. А всё не настроился. Из берданки легко бьёт в коробок со ста метров. У него личные счёты к врагу. Дом его сожгли. А любимого пса Тошку он до сих пор найти не может. Партизан Алексей

Воробьёв зоркий парень. Глаза как алмазы. Прозвище Актёр. Занимался в самодеятельности. Любимое оружие наганы. Как – то он ловко уложил ими десятерых врагов. Лунной ночью Алексей заприметил, как автоматчики потащили полуобнажённую молодую женщину на сеновал. Тут – то он и открыл внезапную пальбу по мерзавцам. Пули засвистели яро. Кого в голову, кого в грудь, кого в живот. Повалил всех. Кто – то стонал в темноте на дорожке. Но он быстро добил упыря. Один затаился. Открыл шальную стрельбу из автомата. Алексей бросил гранату. Воздух сотряс мощный взрыв. Вверх полетели доски и пыль. Упитанный, полупьяный Фокс замер, получив разрыв позвонка ярими осколками. Маруся бросилась на шею Алексею. Страшно задрожала. Затем состоялась незабываемая ночь любви всё на том же сеновале. Голубки пожеглись.

– Девять. Ничего справимся. У нас ещё собаки есть, – сказал Алексей.

– Сволочи. Всё забирают. Весь провиант, – добавил Игорь.

– Приготовиться к атаке. Петренко бросаешь гранату к бронемашине. Как подойдут. И начинаем. Страхов пустишь собак по команде. Обойди дом с собаками. Я крикну. И запустишь, – сказал командир отряда Егор Бероев.

– Всё понял. Пушу. Псы не поведут.

Партизан Страхов – коренастый, пучеглазый мужичок облюбовал пушистых малышей. На земле лежали псы – клыкастые бойцы: Тузик, Васька и Лохматый. Они тихо переглядывались, повиливая хвостами. Тузик – небольших размеров деревенский малыш. Его там все обожали. Он каждый день купался в комплиментах и получал завидное угощение. Васька мордастый пёс. Шерсть медвежья. Лапы широкие. Обладал неуёмной игривостью. Но злился яро. Лохматый подтверждал своё звание. Шерсть скрывала его симпатичную морду. В его послужном списке значилось немало вылазок на врага.

– Пойдёмте пёсики. Только тихо. Лохматый спокойно, – сказал Даниил Страхов, прихватив собак за поводки.

– Внимание, – яро произнёс командир партизан Егор Бероев.

По небу неспешно тянулась серая облачность. Поддувал легкий ветерок. Вдали виднелась призрачная, розовая дымка. Лесные дали погрузились во мрак.

Мелькнула тень. Из деревянного дома на крыльцо вышел немецкий солдат Дени. Лицо сухожильное. Глаза весёлые. За плечом автомат МП. Он, держа в руке корзину с продуктами, небыстро пошёл по тропе.

Упитанный немецкий солдат Шип потащил курицу в мешке. Он, глядя на хозяйку дома, нагло ухмыльнулся. Мила прижалась к стенке. Бледное лицо напряглось. Она прятала заплаканные широкие глаза. Пышная грудь незаметно дрожала.

Командир Егор Бероев, лежа на земле, крепко в руках сжал винтовку. Скулы напряглись. Пробудилась ярость.

– Суки. Давай. Петренко, – сказал командир.

Лихой партизан Игорь Петренко, метнувшись, ловко бросил гранату. Сам тут же завалился. Боевой снаряд упал на дорогу возле бронемашин. Мелькнуло мгновение. Воздух сотрясся. Прогремел взрыв. Вверх потянулся тёмный дым. Потянуло гарью. Несколько автоматчиков разом отлетели от бронемашин в разные стороны. Взмахнули широко руками. Они повалились на землю замертво. Раненый солдат Шип, корчась на земле, пустил кровавые слюны изо рта. Ноги судорожно затряслись. Растерзанная грудь залилась кровью.

– АААА, – простонал он.

Командир партизан Егор Бероев, прицелившись, выстрелил из винтовки. Потянулась белая дымка.

– Огонь, – яро скомандовал он.

цер Фазис замер. Он изогнулся. Руки широко развёл в стороны. Рот приоткрылся. Лицо побелело. Ему автоматная пуля пробила шею. Он грузно повалился на глину ничком.

Партизан Игорь Петренко, вытянувшись, точно выстрелив из ружья. Пуля свистнула. Ганс свалился на терновый куст. Пуля засела где – то в его голове. Потекла изо рта кровь тонкой струйкой.

На тёмном небе тянулась мрачная мгла. Стрельба прекратилась. Всё затихло. Тянуло гарью и порохом. Командир партизан Егор Бероев живо огляделся.

– Всё. Насытились гады фашистские, – яро сказал он.

– Командир у нас раненый боец. Тузику лапу прострелили, – сказал Даниил Страх.

Командир Бероев стремглав побежал по дороге. Сбилась пыль. Он остановился возле пса. В глазах появилось волнение. Егор, склонившись, приласкал боевого пса. Тузик потянул сухим носом. Лапка задрожала.

– Ууаааууааууааууу, – тревожно заскулил Тузик.

– Ничего Тузик. Пуля на вылет прошла. Залечишься. И снова в строй, – сказал командир Егор Бероев.

– Да. Тузик. Ты герой, – широко улыбнувшись, заявил Игорь Петренко.

P.S.

Пёс – боец – красноармеец Тузик вернулся в строй через месяц. Кобель стал слегка прихрамывать. Он проявил себя ещё много раз, как истинный боец. Ура Тузику.

Ретивые легенды ВОВ. Пёс Бобик очень точно прибежал.

Осенью 1941 года под Вязьмой поддувал легкий, тёплый ветерок. На сероватом небе тускло светил солнечный свет. Он точно специально прятался в рваной мутной дымке. Веяло теплотой. Где – то далеко красовались тёмные еловые леса. Вокруг виднелись пустынные пригорки. А по краям расположились небольшие перелески. В большой воронке что – то тлело. Верх плавно поднимался тёмный дым. Из низины торчала башня немецкого танка панцера. В броне виднелась заметная брешь.

Красноармеец Борис Покровский, сидя в траншее, еле закурил влажную папиросу. Полноватое, багряное лицо напряглось. Синие глаза просветлели. Сухие губы сжались. Телогрейка слегка замазалась кровью. Широкие плечи чуть дёрнулись. Он слегка нахмурился, посмотрев на мутное небо. Рядовой Ярослав Бойко молоденький парень. Ему недавно исполнился девятнадцатый год. Тонкая шея напряглась. Лицо лютика улыбнулось.

– Боря. У тебя есть ещё табачок – махорка, – сказал он.

– Нет. Всё. Последняя. Я тебе оставлю, – ответил солдат Покровский, сильно затянувшись табачным дымом.

Дмитрий Певцов, лёжа в земляном окопе, слегка пошевелил руками. Он чуть приоткрыл глаза. Коренастый, мускулистый боец сжался. Боль изводила. Сухие губы зашевелились. Рваная штанина оголяла окровавленную плоть. Кровь капала на землю.

– АААА, – громко простонал раненый солдат.

Санитар Олег Харитонов взялся за сумку. Его лицо имело приятные черты. Казалось, улыбка не сходила с губ. На щеках виднелись ямочки от природы. Он, взявшись за бинт, принялся перематывать рану на ноге Дмитрия. Тот изводился. Боль, казалось, пронзала насквозь. Прищурил глаза. Крепко сжал кулаки.

– ААААА... ААА, – громко закричал боец Певцов.

– Терпи боец, терпи. Осколки долбаные... Попало в тебя. Но кажись навывлет. Точно навывлет. Рана глубокая. Сквозная, – произнёс санитар Олег.

Рядовой Василий Степанов решил перезарядить винтовку. Пилотка съехала на бок. Лицо загорелое, азиатское. Глаза узкие. Сам шупленький, а руки мускулистые. Бицепсы заметные, округлые. Телогрейка словно прострелена – на спине отверстие. Василий взялся за патроны. Он слегка нахмурился, тоскливо взглянув на солнечный свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.